

Образ сербов в работах И.П. Липранди 1820–1870-х гг.

В данном докладе на основании опубликованных и архивных материалов предпринимается попытка описать эволюцию образа сербов в работах Ивана Петровича Липранди¹ 1820–1870-х гг. Также мы пытаемся ответить на вопрос, почему Липранди подвергал описания сербов все большей и большей ориентализации, т. е. наделял их чертами, которые устойчиво относил к туркам и другим народам, исповедующим ислам.

И.П. Липранди (1790–1880) родился в семье выходцев из Испании. Боевой офицер, он прошел четыре кампании, в экспедиционном корпусе руководил русской военной разведкой, долгое время служил в Бессарабии и на юге России, занимался созданием агентурной сети на Балканах, в 40–50-е гг. XIX в. он служил чиновником по особым поручениям в МВД и лично руководил разгромом кружка М.В. Петрашевского. Однако именно изучение европейских областей Османской империи стало делом всей его жизни. Липранди впервые обратился к этой теме еще в 1820-х гг., а последние работы о Турции и балканских народах были напечатаны в конце 1870-х гг. Таким образом, опубликованные и неопубликованные сочинения Липранди предоставляют нам уникальную возможность проследить эволюцию образов балканских народов в российском нарративе на протяжении полувека.

В докладе на примере некоторых работ² мы показываем изменения, которые претерпевал образ сербов в творчестве Липранди на протяжении 50 лет. В работах 1820-х гг. нам не удалось обнаружить детальных описаний Сербии или сербов, однако уже в 1830-е гг., в фундаментальном словаре «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» Липранди пытался найти подходящие термины для описания

существовавших за Дунаем реалий. Сама форма словаря указывала на включенность южнославянских народов в дискурс Османской империи: мы не найдем в словаре статьи «Сербы», а только статью «Сырф»³. В ней сообщается, что турки дают всем народам «свойственные их характеру» прозвища, а сербов называют гайдуками, т. е. разбойниками. В словаре отсутствует и статья, посвященная собственно «Сербии». Липранди вычеркнул слова «Сербия», «Серли», заменив их на «Сырф» и так и ненаписанную статью «Сырф Вилайти»⁴. Таким образом, описание сербов осуществляется в рамках дискурса Османской империи и возможно только через призму восприятия этого народа турками.

В работе 1841 г. «Обозрение пространства, служившего театром войны России с Турциею 1806 по 1812 год», Липранди посвящает Сербии и сербам отдельные разделы⁵. В этой статье мы можем заметить те идеи, которые автор будет развивать в будущем. Во-первых, Липранди делает акцент на склонности сербов к войне, а не к систематическому труду⁶. Он отмечает также недисциплинированность сербов, их неспособность пожертвовать личной славой ради общего блага⁷. Позже Липранди будет указывать еще на одно негативное качество сербов — их горделивость и презрение к другим народам. Во многом это те черты, которые Липранди приписывал туркам и другим «восточным» народам. Он пишет, что Сербия представляет собой страну дикую, с затруднительным внутренним сообщением, сельское хозяйство находится в самом жалком положении, и всему этому способствует характер самих сербов, которые не хотят работать⁸.

Во-вторых, автор с явным неодобрением пишет о начавшейся европеизации Сербии. Для него обретение Сербией широкой автономии являлось достаточно противоречивым фактом. Он обращает внимание читателей, что те немногие положительные качества, которыми обладали сербы, начинают постепенно утрачиваться из-за соприкосновения с «просвещенными» народами.

Однако самое важное, что отличает характеристику сербов 1840-х гг. от той, которую Липранди привел в «Опыте

словоистолкователя...» 1830-х гг., — это то, что автор теперь писал о сербах в рамках другого дискурса. Ближе к середине века описание славянских народов перемещается в границы дискурса славянства. Таким образом, негативные дефиниции, применяемые к сербам в этот период, уже не могут быть объяснены их включенностью в категорию Османской империи.

В 1868 г. выходит одна из самых значимых работ И.П. Липранди «Восточный вопрос и Болгария»⁹. В этой статье сербам посвящено лишь несколько фрагментов. Но и этой скудной информации достаточно, чтобы увидеть, как описание сербов подверглось еще большей ориентализации.

Меняется мнение Липранди по вопросу обретения Сербией автономии: если прежде он не отрицал факт самостоятельного завоевания ее сербами, даже восхвалял их храбрость, то в конце 1860-х гг. он объяснял их успех счастливым стечением обстоятельств. С точки зрения Липранди, сербы получили автономию не в силу личных качеств, а благодаря возможности России оказать им поддержку и благоприятному внешнеполитическому фону¹⁰.

Теперь Липранди открыто критикует сербскую модель построения национального государства за ее слепую подражательность Западу. Липранди открыто высмеивал попытки Сербии стать политическим центром на Балканах. Исследователь был убежден, что другие народы будут охотнее сотрудничать с турками, чем с сербами.

Липранди считал непостоянство, самонадеянность и недисциплинированность, которые служили для него маркерами «восточного» человека, худшими чертами сербов. В тексте мы встречаем рассказы о том, как строгого командира сербов во время боя с турками застрелили в спину его же подчиненные¹¹; как Карагеоргий приказал заживо закопать священника, который требовал слишком большую плату за совершение обряда¹². Автор скрупулезно описывал кровожадность сербов, широко распространенное среди них мздоимство и невежество — главные атрибуты «азиатских»

народов. Он справедливо сомневался, что, переодев вчерашних гайдуков в европейскую форму, удастся убрать их непостоянство, самонадеянность и привить дисциплину европейской армии. Однако при этом он пишет, что большая часть населения утратила свое лучшее качество — умение обращаться с оружием¹³; все обзавелись хозяйством и не желают его лишаться даже ради общего блага. Вот результаты несвоевременного распространения идей Просвещения, о чем Липранди писал еще в 1840-е гг.

Таким образом, мы видим, что в работах Липранди образ сербов на протяжении 1820–1870-х гг. подвергался все большей ориентализации. Когда в 1830-е гг. сербы и Сербия стали для Липранди отдельными категориями, он помещал их в рамки дискурса Османской империи, и поэтому они априори имели определенные «восточные» черты (как и другие христианские народы Балканского полуострова). Однако позже, когда Балканы были помещены в рамки дискурса славянства, описания сербов, в отличие, например, от болгар, не только сохранили «восточные» элементы, но подверглись еще большей ориентализации. В 1870-е гг. Липранди приписывал уже сербам те качества — лень, вероломство, непостоянство, недисциплинированность, которыми он прежде наделял турок.

Примечания

¹ О славяноведческих сюжетах И.П. Липранди см.: *Ишутин В.В.* Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94; *Белов М.В.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68; *Касаткин К.А.* Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 228–236.

² [Липранди И.П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб., 1827; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 673. Оп. 1. Д. 172–199; *он же.* Обзорение пространства, служившего театром войны России и Турцией с 1806 по 1812 год. СПб., 1854; *он же.* Сербский вопрос // Северная пчела. СПб., 1859, № 54, 56; *он же.* Восточный вопрос и Болгария // ЧОИДР. М., 1868. К. 1.

³ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 188. Л. 35 об, 64 об.

⁴ Там же.

⁵ Липранди И.П. Обзорение пространства... С. 23–26, 62–71.

⁶ Там же. С. 63–64.

⁷ Там же. С. 66, 70.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ *Липранди И.П.* Восточный вопрос и Болгария...

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 129–130.

¹² Там же. С. 28–29.

¹³ Там же. С. 51.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.3

Т. В. Гимадеев

Реакция на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии середины XIX — начала XX вв.

Начиная с рубежа 1840-х — 1850-х гг. и вплоть до середины 1870-х гг. в русской историографии гуситского движения доминировало славянофильское направление, отчасти сохранявшее позиции (особенно в публицистике) на протяжении всего досоветского периода. Это направление уже было исчерпывающе исследовано Л.П. Лаптевой¹. Напомним лишь, что его представители (такие как А.С. Клеванов, Е.П. Новиков, А.Ф. Гильфердинг и др.) некритично приняли свидетельства протестантских авторов XVII в. — Богуслава Билейовского и Павла Странского — о том, что в Чехии на протяжении X–XV вв. якобы сохранялись элементы восточно-христианской традиции (важнейшим из которых они считали причащение мирян чашей), принесенной св. Мефодием. На основании этого они утверждали, что стремление вернуться к этой традиции и было главным движущим мотивом гуситского движения².

Еще в эпоху Просвещения Г. Добнер, основоположник исторической критики в Чехии, отвергал эти показания Би-